

В ПАМЯТЬ ОБ ОЛЕГЕ ВЯЧЕСЛАВОВИЧЕ ЛОКУЦИЕВСКОМ

Я подружился с Олегом Вячеславовичем довольно поздно, незадолго до его ухода из жизни. На кафедре был разговор о том, что следовало бы организовать семинар для первокурсников. И я предложил Олегу Вячеславовичу попытаться вовлечь ребят в тематику, связанную с теоремами о неподвижных точках отображений. Он горячо поддержал идею, и мы начали вдвоем вести этот семинар. В результате у меня появился чудесный повод поговорить с ним обо всем на свете, а говорить с ним было большое удовольствие. В этих воспоминаниях я попытаюсь воспроизвести, а при необходимости (прости, Господи) и присочинить содержание этих разговоров (ведь это было так давно!).

В то время мы (небольшая группа, оставшаяся от ассоциации «Экология и Мир», создавшейся для предотвращения поворота рек) пытались помешать принятию решения о ввозе в СССР радиоактивных отходов атомных электростанций. Олег Вячеславович решил нам помочь. Он очень уважал Андрея Викторовича Гапонова-Грехова, так как тот был одним из главных неформальных лидеров Нижегородской ядерной школы. Олег Вячеславович контактировал с ним, занимаясь проблемами управляемого термоядерного синтеза. Он наивно полагал, что мнение Андрея Викторовича может оказаться решающим. Он созвонился с Андреем Викторовичем и тот заказал нам пропуск в президиум АН СССР. Беседа была очень интересной, но Андрей Викторович нас разочаровал: Борьба с решением о ввозе – дохлый номер. Ни Александр Евгеньевич Шилов, занимавшийся, в частности, воздействием на организмы малых доз радиации, к которому я ездил в институт биохимической физики, ни Александр Григорьевич Мержанов, создатель технологии очистки плутония, ни Андрей Дмитриевич Сахаров, который говорил мне, что тщетно предлагал правительству строить атомные станции в безлюдных местах и глубоко под землей, ни любой другой академик, связанный с минатомом, не помогут справиться со всепобеждающим желанием немедленно получить деньги. Увы! Он оказался прав. Как говаривали Римляне: «Senatores boni viri, senatus autem mala bestia» (Сенаторы хорошие люди, сенат же злое животное) Или, как нам хорошо известно из нашей собственной истории – коллективное мнение далеко от мнения большинства членов коллектива. Я все-таки попытался привлечь международную общественность и договаривался с Юрой Маниным (в то время он был директором института Макса Планка) о лекции на эту тему в его институте. Но в конце концов Юра тоже сказал, что ничего не выйдет. Он добавил: «А мое мнение простое. Человечество обречено.» Юра всегда умел завернуть что-нибудь нетрадиционное.

В то время я, как всегда, много считал и много мучился с конкретными выкладками. Мне начало даже казаться, что формулы нарочно дразнят и

смеются надо мной – то манят внутренней стройностью и красотой, то отпугивают неуклюжей громоздкостью. Как-то я прочел у Римана фразу, которая меня поразила. Риман объяснял, как он пришел к своей знаменитой гипотезе о нулях дзета функции. Он пишет: «Я усмотрел эту гипотезу из одного выражения для дзета функции, которое я не сумел упростить настолько, чтобы его записать» Мое бедное воображение отказывается мне при попытках представить себе как можно увидеть формулу, которую нельзя записать! Мне приснился сон. Ко мне пришел не кто-нибудь, а сам Ньютон. В отчаянии я ему говорю: «Исак, ты ведь так много считал. Скажи, формулы и в самом деле живые?» Сам не пойму, как я посмел так запанибрата обратиться к Сэру Исааку Ньютону! Но с сонного, как с пьяного, спрос невелик. Но он не обиделся, а рассмеялся: «Удумал. Формулы у него живые! Есть только одна живая субстанция. Это мысль.» Я рассказал этот сон Олегу Вячеславовичу. В ответ он припомнил, что есть схожее соображение у Гете в Фаусте. Фауст обдумывает перевод первых строк Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово (Логос). И Слово было у Бога. И Бог был Словом», Фауст возражает:

«Ведь я так высоко не ставлю Слово,
чтоб думать, что оно всему основа.
В начале Мысль была, вот перевод.
Он ближе этот стих передает »

Тут Фауст пугается собственной смелости и начинает перечислять другие варианты перевода понятия Логос: В начале была Сила, или в начале было Дело, ... Внезапно вмешивается Мефистофель, принявший вид черного пуделя и нагло прерывает размышления Фауста. Мы с Олегом Вячеславовичем довольно быстро согласились, что мысль вовсе не сводится к цепочке умозаключений. Более того, это далеко не самый подходящий способ выражения мысли. Вспомните Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь!» Много более совершенным является способ передачи мысли художественными средствами: в виде образов, музыки, картин, скульптур, стихов. Сюда же относятся все виды осознания и восприятия мира. А еще лучше мысль проявляется во взаимопонимании близких по духу людей.

Тот факт, что основа мира идеальна неудивителен с точки зрения физики. В наше время дуализм между волной и частицей поставил крест на разделении существующего на материальное и идеальное. Рассмотрим любую элементарную частицу – ничтожно малую составляющую любой материи. Она описывается волновой функцией. Модуль волновой функции есть (объективно заданная) вероятность обнаружения данной конкретной элементарной частицы в любой наперед заданной точке пространства. Это объект, реально существующий «везде и нигде», что вряд ли можно считать материей в обычном смысле этого слова. Да и идеей его не назовешь. Олег Вячеславович замечает, что экзистенциализм предлагает заменить оба понятия материя и

сознание на единое понятие --- существование. Я ему возражаю: что само понятие существование является внутренне противоречивым, у него отсутствует отрицание. На вопросе существует ли небытие сломала зубы вся греческая классическая философия шестого века до нашей эры. В конце концов Парменид вынужден был положить конец философским спорам на эту тему, издав декрет: Следует считать, что небытия не существует, потому что любой другой ответ на этот вопрос приводит к еще худшим противоречиям. Как Вас все-таки, Михаил Ильич, тянет к парадоксальным вопросам, содержащим внутренние противоречия. Не отрицаю, Олег Вячеславович, но я же не виноват, что эти вопросы самые интригующие! Например, согласно общепринятой религиозной концепции вселенная, а заодно и время были созданы. То же утверждает и современная теория Большого взрыва. Все теории Большого взрыва начинаются с описания первых микросекунд после взрыва, когда уже было создано пространство-время. Интересно, а что же было до создания времени? Олег Вячеславович: Опять Вы, Михаил Ильич за свои парадоксальные вопросы! Лучше вернемся к экзистенциализму. Почему так популярен Декартовский тезис «Cognito ergo sum» Мыслю, следовательно, существую. Кому и для чего надо доказывать свое собственное существование? Наверное потому, что его следует понимать в более широком смысле: «Мыслю» --- надо понимать не в смысле строю силлогизмы, а в том смысле, что я сознаю и ощущаю бытие. «Следовательно» --- надо понимать не в логическом, а в онтологическом смысле--- мое ощущение и мысль есть причина и само существо моего существования. То есть, в соответствии с тезисом Гете, действительно, в начале была (и есть) мысль!

Михаил Ильич: Но ведь Ньютон сказал мне больше. Мысль жива. Тогда начало Евангелия от Иоанна должно звучать так: «В начале была Жизнь. И Бог есть Живая Мысль.» «Берегитесь, Михаил Ильич» - воскликнул Олег Вячеславович : «За такое реформирование Евангелия Вас бы в средние века объявили еретиком и сожгли на костре. А в суровые сталинские времена не миновать бы Вам лагеря за мистицизм и мракобесие. Что будет завтра не знают и те глупые люди, от которых зависит это Завтра!. Гете был умнее. Он говорил как бы не от себя, а вложил все в уста Фауста» «Так и я, Олег Вячеславович, говорю не от себя. Это все Ньютон»

И мы пошли учить студентов теоремам о неподвижных точках гладких отображений.